

Семен Экиштут

ИМПЕРИИ ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНЬЯ

ТЕАТР МАРИОНЕТОК
В 16 КАРТИНАХ
С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 94
ББК 63.3(2)524
Э35

Экштут С. А.

Э35 Империи последние мгновенья : Театр марионеток в 16 картинах с прологом и эпилогом / С. А. Экштут. — СПб. : Нестор-История, 2018. — 312 с.

ISBN 978-5-4469-1389-3

Всё, что мы знаем об истории, может быть сведено к нескольким ярким метафорам. Важнейшая среди них принадлежит Шекспиру — это уподобление жизни театральным подмосткам. Именно к этой метафоре и восходит образ истории как мирового театра. В этой книге разноплановые исторические персонажи — от масштабных фигур первого плана до незаметных героев эпизода — уподоблены театральным марионеткам. Но кто держал их за веревочку в последние мгновенья Российской империи и указывал им ту истинную форму, которую им надлежало принять? Ответ на этот вопрос предстоит дать читателю.

В оформлении обложки использованы
литография Мстислава Добужинского
и фото Евгения Раудсеппа (Эстония).

ISBN 978-5-4469-1389-3

© Экштут С. А., 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

Моей жене

*А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас...*

Александр Блок
«Возмездие»

Французская революция — одно из тех событий, которые определяют судьбы людей на много последующих веков. Новая эпоха начинается... Я слышу декламации и «за» и «против», но я далек от того, чтобы подражать этим крикунам. Я признаюсь, что мысли мои об этом недостаточно зрелы. События следуют друг за другом, как волны взволнованного моря, и есть еще люди, которые считают, что революция уже окончена! Нет! нет! Мы еще увидим много удивительных вещей. Крайнее волнение умов служит этому предзнаменованием. Опускаю занавес.

Николай Карамзин
«Письмо в “Зритель” о русской литературе»

Пролог

«Моя беззубая Пушкина»

*Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.*

Александр Пушкин
«Вольность». 1817

Шел к завершению первый год советской власти. К деревянной скамейке рядом с памятником Пушкину, что на Тверском бульваре в Москве, легкой походкой подошла и с неизъяснимой грацией присела пожилая дама из «бывших». Несмотря на свой весьма почтенный возраст, она прямо держала спину, не испытывая нужды опереться ею о спинку скамейки. Дама была изящно одета, в ее маленькой аристократической ручке был зажат небольшой букетик цветов, а живые блестящие глаза — обращены к монументу. Когда спешащие по делам прохожие обращались к величаво сидевшей даме с каким-либо вопросом, они слышали в ответ звонкий молодой голос, причем в ее речи отчетливо слышался некоторый оттенок французского произношения.

Дожившая до русского бунта

Это была дочь камер-юнкера с 600-летней дворянской родословной, воспитанница Екатерининского института благородных девиц, фрейлина цесаревны, а затем — императрицы Марии Александровны, вдова генерала... Это была Мария Александровна Гартунг — старшая дочь

Пушкина, пророчески написавшего: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Девочке было всего-навсего четыре с половиной года, когда ее отец, наверняка размышляя и о грядущей судьбе своих детей, сформулировал эту мысль. Увы, в своих опасениях поэт был одинок. Современники Пушкина не желали задумываться ни об опасностях новой смуты, ни о роли случайности в истории. Обратимся к последним страницам его исторического труда, посвященного пугачевщине. «Так кончился мятеж, начатый горстью непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства, и поколебавший государство от Сибири до Москвы, и от Кубани до Муромских лесов. Совершенное спокойствие долго еще не водворялось»¹.

Продолжавшаяся в течение двух лет большая крестьянская война, именуемая в народе пугачевщиной, не была исторически неизбежна: бунт можно было подавить в зародыше, избежав продолжительного безначалия на обширной территории Российской империи. По итоговой мысли Пушкина, именно историческая случайность — «непростительное нерадение начальства» — позволила горсти бунтовщиков преумножить свои силы и едва не привела к гибели государства Российского. (В наши дни подобное упущение назвали бы человеческим фактором.) Чтобы избежать новой смуты, способной вновь поколебать устои государственности, верховная власть должна работать на опережение, не выпуская ни на мгновение инициативы из своих рук.

Жестокосердные переворотчики

Этот урок истории был хорошо усвоен Николаем I. Шеф тайной политической полиции граф Александр Христофорович Бенкендорф в «Нравственно-политическом отчете за 1839 год» довел до сведения государя важнейшую

мысль: «Вообще весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же и что ныне составила огромная масса беспоместных дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству». Прервем графа Бенкендорфа и обратимся к Пушкину. Рассуждения его сиятельства — это вариация на тему пушкинской мысли, высказанной тремя годами раньше, но оставшейся в рукописи и не вошедшей в окончательную редакцию «Капитанской дочки»: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка»². (Полушка — ½ часть деньги и ¼ часть копейки.) Вряд ли фактическое тождество нравственных сентенций поэта и шефа жандармов было случайным совпадением. Вновь обратимся к тексту графского «нравственно-политического отчета». Бенкендорф размышляет о необходимости отменить крепостное право в будущем. «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только мера будет спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шума, без громких слов и будет соблюдена благо-разумная постепенность. ...Что крестьянское сословие есть пороховая мина, в этом все согласны»³.

А теперь возьмем в руки канонический вариант «Капитанской дочки» и убедимся: логика размышлений Бенкендорфа полностью совпадает с пушкинской мыслью. Секретный документ, адресованный самодержцу на излете 1839 года, всего-навсего лишь развивает заветные пушкинские раздумья, сформулированные от лица Петра Андреевича Гринёва и опубликованные в конце 1836-го: «Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне

дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»⁴.

Пушкин был услышан монархом и его верным слугой графом Бенкендорфом, но не был услышан современниками, принадлежащими к образованному обществу. Из 3000 экземпляров напечатанной по высочайшему повелению «Истории Пугачёвского бунта» при жизни автора было продано лишь 1225 экземпляров. Старшая дочь поэта, единственная из его четырех детей дожила до Октябрьской революции и смогла убедиться в справедливости слов своего великого отца. В эпоху «военного коммунизма» Мария Александровна умирала от голода. Ее небольшая пенсия, пожалованная Александром II, была отменена после революции, хлопоты о новой пенсии пока не имели никакого успеха. У нее не было ни пайка, ни денег и давно уже не осталось никаких ценностей, которые можно было бы обменять на хлеб. Пожилая 86-летняя дама, много лет навещавшая отца, на сей раз пришла попрощаться — с Тверским бульваром, памятником, эпохой, в которой ей довелось жить, — и, «уходя в ночную тьму», положила букетик к подножию памятника...

Отца классический шлепок

Поэт очень любил своего первенца: Машка, Маша, Машенька постоянно упоминается в его письмах. «Что-то моя беззубая Пускина? Уж эти мне зубы?» — спрашивал Пушкин жену Наталью Николаевну⁵. У ребенка долго не резались зубки. Это его беспокоило. «Беззубая Пускина»

часто привередничала, что выводило из себя импульсивного отца. «...Я так сердит сегодня, что не советую Машке капризничать и воевать с Нянею: прибыю»⁶. Угроза вовсе не была поэтическим преувеличением. «Хорошие шлепки» в этой семье были делом заурядным. Шлепками, к ужасу ювенальной юстиции наших дней, дело не ограничивалось. «Александр сечет своего сына, которому всего два года; он бьет также свою Машу; впрочем, он нежный отец»⁷, — писала Ольга Павлицева, старшая сестра поэта, поясняя своему мужу отношение Пушкина к телесным наказаниям детей.

Из рук вон плохо обстояло дело с ювенальной юстицией в Российской империи. Впрочем, и со всякой иной юстицией дело обстояло не лучше. Даже в эпоху Великих реформ, уже после проведения судебной реформы, россияне упорно не желали руководствоваться в своем поведении законом, предпочитая жить по совести или, как говаривал городничий Градобоев из комедии Александра Николаевича Островского «Горячее сердце» (1868), по душе. «Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит». Хотя, согласно авторской ремарке, сделанной по требованию цензуры, «Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове», и на излете 1870-х годов правосознание живших в Первопрестольной образованных россиян не претерпело существенных изменений. Это и стало причиной трагедии генерал-майора Гартунга, мужа Марии Александровны.

Наружность для Анны Карениной

В 1860 году, за год до отмены крепостного права, 28-летняя фрейлина Высочайшего двора Пушкина стала женой блестящего гвардейца Леонида Николаевича Гартунга, 26-летнего поручика лейб-гвардии Конного полка,

воспитанника Пажеского корпуса и сына генерала от инфантерии. (Чин II класса Табели о рангах, выше — лишь генерал-фельдмаршал.) Молодые переехали в имение Гартунга, обосновались там и стали жить на широкую ногу. Гартунгу принадлежало село Федяшево на севере Тульской губернии. В имении был обширный кирпичный барский дом, якобы возведенный по проекту Марии Александровны, и большая конюшня, в которой содержались сорок чистокровных лошадей. Офицер Конной гвардии знал в них толк! Лошади конюшен Гартунга были известны на весь мир и выступали на ипподромах Англии, Франции и Германии. Вот почему Леонид Николаевич охотно принял место управляющего Императорскими конными заводами сначала в Туле, затем — в Москве. Исправно получая очередные чины и знаки отличия, он быстро, в возрасте 36 лет, дослужился до генерал-майора.

В 1868 году в Туле с мадам Гартунг познакомился граф Лев Николаевич Толстой. Она «послужила типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью». Мария Александровна была, подобно Анне Карениной на балу, в кружевном черном платье. «Ты посмотри, какие у нее арабские завитки на затылке. Удивительно породистые», — отметил тульский помещик Толстой.

В экспозиции Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве в разделе, посвященном роману «Анна Каренина», помещен портрет Марии Гартунг, выполненный академиком живописи Иваном Кузьмичом Макаровым в 1860 году. Портрет этот приобретен в 1933 году у давней знакомой Марии Александровны — Елены Степановны Макаренко. На нем Мария Александровна изображена с жемчужным ожерельем, доставшимся ей от матери,

И. К. Макаров. Портрет Марии Александровны Гартунг, урожденной Пушкиной. 1860 год

и гирляндой аютиных глазок в волосах. Визуальный образ, созданный автором живописного портрета, прекрасно соотносится с текстом романа. «Анна была ... в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью. Все платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда аютиных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами. Прическа ее была незаметна. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках. На точеной крепкой шее была нитка жемчугу».

Однополчанин Вронского

Генерал Гартунг прекрасно разбирался в лошадях, но плохо понимал новые экономические реалии пореформенной России и вовсе не был сведущ в законах, действующих в Российской империи. Генерал жил не по средствам, имел долги и совсем не думал о будущем. Можно ли назвать его поведение девиантным — отклоняющимся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм? Нет! Обратимся к роману «Анна Каренина», над которым Толстой работал в 1873–1877 годах; роман был завершен в апреле 1877-го, за полгода до самоубийства Гартунга. Сам автор называл свою новую книгу «романом из современной жизни». Вспомним основы жизненной философии блестящего лейб-гвардейца графа Вронского. (По воле автора романа граф Вронский служил в лейб-гвардии Конном полку, то есть был однополчанином Гартунга⁸.)

«Жизнь Вронского тем была особенно счастлива, что у него был свод правил, несомненно определяющих все, что должно и не должно делать. Свод этих правил обнимал

очень малый круг условий, но зато правила были несомненны, и Вронский, никогда не выходя из этого круга, никогда ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно. Правила эти несомненно определяли, — что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, — что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, — что обманывать нельзя никого, но мужа можно, — что нельзя прощать оскорблений, и можно оскорблять и т. д. Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову».

Подобно своему однополчанину, литературному персонажу, флигель-адъютанту и полковнику графу Алексею Вронскому, заведующий третьим округом государственного коннозаводства генерал-майор Гартунг был убежден в том, что карточный долг — это долг первостепенной важности, а с уплатой «в магазины, в гостиницы и портному» можно не спешить — это долги третьестепенные, «о которых нечего думать». У генерала были большие долги. Он платил долги новыми долгами.

Такова была многолетняя традиция: именно так, начиная с «безумного и мудрого» XVIII века, жили несколько поколений служилого дворянства. Так жил Пушкин. «Одной из причин всеобщей задолженности было сложившееся в царствование Екатерины II представление о том, что “истинно дворянское” поведение заключается не просто в больших тратах, а в тратах не по средствам. Стремление нового поколения 1830-х годов “с расходом свесть приход” даже Пушкин воспринимал с известной грустью как утрату поэзии дворянского века»⁹. После его смерти остались огромные долги, уплаченные Николаем I: 92,5 тысячи рублей частных долгов и 43 333 рубля 33 копейки — долг казне. За что же задолжал камер-юнкер Двора Его Императорского Величества? Среди частных долгов Пушкина значились: портному мастеру Ручу — 405 рублей;

портному Биргелю (Бригелю) — 1065 рублей; портному Кондратьеву — 25 рублей; вдове Катерине Оберман за дрова — 561 рубль 75 копеек; купцу Богомолу за разные припасы — 614 рублей 14 копеек; купцу Герасиму Дмитриеву за разные припасы — 1014 рублей; владельцу французского винного погреба г-ну Раулю — 777 рублей; зеленщику Владимиру Лаврову — 40 рублей 80 копеек; «булошнику» Роде (Ротте) — 82 рубля 26 копеек; молочнице Аграфене Самсоновой — 131 рубль 70 копеек; книгопродавцу Беллизару — 3399 рублей; каретному мастеру Дриттенпрейсу — 1650 рублей; извозчику Ивану Савельеву — 650 рублей¹⁰. Так жил и генерал Гартунг, зять великого поэта, так жили почти все люди его круга, не только чуждые, но и враждебные малейшей мещанской расчетливости. «Благородное российское дворянство разменяло свой сословный долг на долги государственному банку»¹¹, — с афористической точностью сформулировал суть проблемы гениальный историк Василий Осипович Ключевский.

По скользкой дорожке к Занфтлебену

Вспомним рассуждения московской барышни Лидии Чебоксаровой из комедии Александра Николаевича Островского «Бешеные деньги» (1870).

«Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать. Я знаю магазины: белья, шелковых материй, ковров, мехов, мебели; я знаю, что когда нужно что-нибудь, едут туда, берут вещь, отдают деньги, а если нет денег, велят *commis (приказчикам)* приехать на дом. Но откуда берут деньги, сколько их нужно иметь в год, в зиму, я никогда не знала и не считала нужным знать. Я никогда не знала, что значит дорого, что дешево, я всегда считала все это жалким, мещанским, копеечным расчетом. Я с дрожью омерзения отстраняла от себя такие мысли. Я помню один раз, когда я ехала из магазина,

мне пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье! Мне так стало стыдно за себя, что я вся покраснела и не знала, куда спрятать лицо; а между тем я была одна в карете».

Так можно было рассуждать до 1861 года. После отмены крепостного права ситуация изменилась: доходы от имения стали исчезающе малой величиной, а содержание чистокровных лошадей, которых так любил генерал Гартунг, из-за отсутствия крепостных конюхов стало забавой не из дешевых. Он заложил имение, затем перезаложил и в конечном итоге — продал за долги. Гартунг был опутан долгами, а его долговые обязательства котировались чрезвычайно низко: генеральские векселя охотно сбывались по 25 копеек за один рубль; больше за них никто не давал, кредиторы потеряли надежду на то, что их должник когда-нибудь расплатится с займодавцами. С каждым годом долговая петля затягивалась все туже и туже. В течение 1876 года с Гартунга по векселям взыскивалось в общей сложности до 11 тысяч рублей, и по этим взысканиям судебный пристав с исполнительным листом уже являлся на квартиру для описи движимого имущества.

(Следует учесть, что долги Пушкина исчислены в ассигнационных рублях, а долги Гартунга — в кредитных или серебряных рублях. Покупательная способность кредитного рубля была в несколько раз выше по сравнению с ассигнационным рублем. Во время денежной реформы графа Канкрин 1839–1843 годов государственные ассигнации принимались по курсу 3 рубля 50 копеек ассигнациями за один серебряный рубль. После проведения реформы в обращение были выпущены кредитные билеты, имевшие стопроцентное серебряное покрытие и свободно обменивающиеся на серебро и золото по номинальной стоимости.)

Чтобы свести концы с концами, заведующий третьим округом государственного коннозаводства генерал-майор Гартунг, получавший изрядное государево жалованье

5 тысяч рублей в год, был вынужден вновь и вновь обращаться к услугам купца первой гильдии Василия Карловича Занфтлебена, известного московского ростовщика, которого, приличия ради, официально именовали дисконтёром. В 1873 году генерал, отправлявший скаковых лошадей на Всемирную выставку в Вене, в первый раз занял у купца 20 тысяч. «Деньги свои Занфтлебен давал займы под векселя за огромные проценты; ... 60 процентов были нормою процентов без скидки, со скидкою же, с уступкой годовая цифра процента спускалась до 36»¹². С годами между этими людьми — дисконтёром и генералом, — находящимися на разных ступенях социальной лестницы, установились доверительные отношения. Ростовщику льстило короткое знакомство с «его превосходительством»: до отмены Табели о рангах оставалось еще четыре десятилетия. Но это никак не сказалось на долгах Гартунга и ростовщическом проценте: «дружба со старым дельцом была сама по себе, а высокие проценты сами по себе»¹³. Генерал был посвящен во все перипетии частной жизни своего заимодавца. Недавно овдовевший купец решил вновь вступить в брак. «64-летний старик, дряхлый и болезненный, отделенный от могилы всего пятью месяцами, старик, которого в церковь на свадьбу вели под руки, старик, который в то время имел 8 человек детей и 10 внуков, женился на 24-летней женщине. Вы знаете жизнь, судите сами, любовь ли соединила этих людей?» — впоследствии именно этот риторический вопрос задал товарищ (заместитель) московского прокурора Николай Валерианович Муравьев, обращаясь к присяжным¹⁴. После венчания Занфтлебен составил новое завещание, ущемлявшее интересы детей от первого брака. Гартунг согласился стать душеприказчиком, не подумав о неэтичности своего поступка: он все еще оставался должен купцу 6500 рублей, и эта сумма превышала размер годового жалованья генерала. Сразу же после смерти ростовщика генерал, без свидетелей и соблюдения предусмотренных законом юридических

процедур, самочинно увез на свою квартиру векселя, долговые обязательства, оставшиеся после смерти покойного. По версии прокурора, для этого противозаконного поступка у него имелся веский мотив. «Для генерала Гартунга в портфеле покойного скрывались весьма неприятные для него собственные его векселя по предъявлению, которые после смерти Занфтлебена могли очутиться в руках наследников и надеть Гартунгу много самых скучных и тяжелых хлопот»¹⁵. Вдова купца Ольга Петровна передала генералу «денежные документы, счетные книги и наличные деньги, причем имущество это не было ни приведено в известность по описи, ни опечатано»¹⁶.

Лохмотья на генеральском мундире

Вот что написал Федор Михайлович Достоевский в «Дневнике писателя»:

«Затем, по смерти Занфтлебена, происходит несколько вопиющих вещей: пропадает вексельная книга неизвестно куда; векселя, бумаги и документы, с совершенным нарушением порядка, предписанного законом, отвозятся Гартунгом к себе на квартиру. Гартунг, как оказывается, вступает в соглашение с одной частью наследников в ущерб другой (хотя, может быть, и не подозревает того сам). Затем к нему врывается один из наследников, и бедному душеприказчику уже на деле приходится узнать, что он попал в такое общество, в какое и не ожидал. Затем начинаются обвинения уже прямо — в краже векселей, вексельной книги, в переписке векселей, в исчезновении документов с лишком на сто или даже на двести тысяч рублей имущества... Затем начинается суд»¹⁷.

Дети от первого брака заявили в полицию, обвинив Гартунга в желании уничтожить свои долговые обязательства. В казенной квартире генерала на Поварской был

проведен обыск, который поверг в шок как самого Гартунга, так и всю дворянскую Москву. Доселе ничего подобного в Первопрестольной не наблюдалось. В октябре 1877 года не отрешенный от должности и состоящий по армейской кавалерии генерал-майор Леонид Николаевич Гартунг был предан суду. Впервые в истории пореформенного российского правосудия генерал оказался на скамье подсудимых по обвинению в похищении векселей и разных документов, оставшихся после смерти купца Занфтлебена. Подельниками Гартунга признали полковника графа Степана Сергеевича Ланского, сына министра, вдову московского первой гильдии купца Ольгу Петровну Занфтлебен, коллежского советника Даниила Павловича Алфёрова и крестьянина Егора Ефремовича Мышакова. Дело получилось резонансным. Товарищ московского прокурора Николай Валерианович Муравьёв с нескрываемым удовлетворением констатировал: «Ни знатность происхождения, ни высокое общественное и служебное положение, ни связанные с тем и другим влияния и связи — ничто не помешало действиям безличного и бесстрастного закона. Равный для всех, допускающий могущество и торжество только одной справедливости, он призвал подсудимых к ответу»¹⁸. Какая ирония истории! Столбовой дворянин Муравьёв, чей род известен со второй половины XV века, сын сенатора и племянник графа Муравьёва-Амурского, памятник которому запечатлен на российской банкноте в 5000 рублей, искренне радуется торжеству правосудия. Судебная реформа уравнила перед лицом закона генерала, графа, чиновника и простого крестьянина. И этот факт для Муравьёва оказывается более значимым, чем чувство корпоративной солидарности с представителями дворянского сословия, к которому он принадлежал.

«Николай Валерьянович Муравьёв являл собой в прокуратуре то же самое, что в адвокатуре представлял собой Плевако. Его речи, полные самого глубокого содержания,

до такой степени были красочны, что, когда он рисовал какую-нибудь картину, слушателю казалось, что он реальнейшим образом эту картину видит собственными глазами. Несомненно, что ни ранее, ни потом публике не удавалось слышать ничего подобного»¹⁹.

Прекрасный оратор, Муравьев завершил свою обвинительную речь эффектным пассажем: «Грязь и лохмотья на нищенском рубище не поразят никого, но будь эта грязь на графской короне или эти лохмотья на генеральском мундире, они невольно остановят на себе внимание каждого.

...В самом деле: куда же бежать от общественного зла, когда преступление имеет свой приют не только в низших слоях общества, но находит блестящих представителей и в высших его сферах; когда люди, занимавшие видное общественное положение, совершают одно из самых грубых имущественных преступлений — кражу? ...Что ж остается делать после этого тем жалким беднякам, тем несчастным труженикам, которые, работая изо дня в день, с утра до вечера, ради куска насущного хлеба, тяжелым трудом добывают себе и своим семьям дневное пропитание, но остаются честными, когда и сильные мира сего не гнушаются ради легкой наживы занести преступную руку в чужое имущество для того, чтобы этим имуществом набить свои опустевшие карманы? Как оценить такие факты по достоинству, чего заслуживают люди, творящие подобные дела?»²⁰

Дорогой бедной Лизы

Присяжные вынесли вердикт: «Виновен!» — и генерал застрелился до оглашения приговора суда. Такая трагическая развязка произвела в стенах суда необычайный переполох. Истерически рыдал над убитым его защитник, присяжный поверенный С. В. Щелкан, в обморок упал старшина присяжных поверенных, да нехорошо

чувствовал себя и Н. В. Муравьев, хотя речь его произвела такое впечатление, что с того времени все его выступления стали печататься целиком. (Муравьева поспешно перевели из Москвы в Ярославль и назначили прокурором окружного суда. Через несколько лет он будет обвинять народовольцев и со временем сделает блестящую карьеру: получит чин действительного тайного советника, будет пожалован званием статс-секретаря Его Императорского Величества, станет министром юстиции и одновременно генерал-прокурором Правительствующего Сената, а закончит свое служебное поприще на посту чрезвычайного и полномочного посла в Италии.)

«При покойном нашли записку следующего содержания: “Клянусь всемогущим Богом, я ничего не похитил по настоящему делу. Прощаю своих врагов”, — писал корреспондент газеты “Московские ведомости”. — Похороны генерала Гартунга состоялись при громадном стечении публики. Ему были оказаны большие воинские почести. Тело покойного было перенесено из здания Коннозаводства на Поварской в церковь. На панихиде присутствовала вдова Гартунга, его старушка-мать, родные и близкие, высшие военные и гражданские чины во главе с московским губернатором, и многие другие. Из церкви гроб несли на руках через всю Москву. За ним следовали погребальная колесница, его конь, покрытый траурной попоной, далее большая процессия экипажей и батальон местных войск с оркестром. Похороны состоялись на кладбище Симонова монастыря». Как мы помним, именно там упокоилась бедная Лиза, созданная фантазией Николая Михайловича Карамзина.

Неявным вмешательством верховной власти можно объяснить то, что самоубийца был похоронен по православному обряду. Вспомним рассуждения шекспировских могильщиков о предстоящем погребении Офелии, судя по всему, добровольно ушедшей из жизни.

«Второй могильщик. Хочешь знать правду? Не будь она дворянкой, не видать бы ей христианского погребенья.

Первый могильщик. Твоя правда. То-то и обидно. Чистая публика топись и вешайся сколько душе угодно, а наш брат прочий верующий и не помышляй»²¹.

Однако не стоит ограничиваться только этим аргументом. В тех случаях, когда были основания предполагать, что самоубийство совершено в состоянии умопомешательства, священник сам решал, по какому обряду хоронить умершего, учитывая все обстоятельства его смерти. «Руководствуясь силой традиции более, чем буквой закона, русская церковь оставляла священнослужителям некоторую свободу в принятии решений относительно того, как поступить с самоубийцей. В неясных случаях в дело вступал авторитет церковных властей; решения, принятые по конкретным случаям, служили прецедентами для дальнейшей практики. Такой прецедент установил, например, в середине девятнадцатого века, митрополит Филарет (Дроздов, 1783–1867). Мать молодой самоубийцы обратилась к местному епископу с просьбой предписать приходскому священнику похоронить ее дочь по православному обряду. Отвергнув эту просьбу, епископ передал прошение в Синод. В конце концов прошение матери достигло митрополита Филарета, который наложил следующую резолюцию: “Уже сатана раз насмеялся над несчастной. Неужели надо допустить сатане еще раз насмеяться над ней? Похоронить по-православному”. Как мы знаем из церковной печати, это весьма неформальное решение сохраняло авторитет вплоть до середины двадцатого века, когда оно послужило руководством для священников русской зарубежной церкви»²².

Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов), действуя в рамках сложившейся традиции и отнюдь не покушаясь на авторитет канонического церковного права, мог разрешить и отпевание в церкви, и погребение бранных останков генерала Гартунга в Симоновом

монастыре, исходя из следующих веских обстоятельств: ни Бога, ни Церковь Гартунг не хулил и от Христа не отрекался; он расстался с жизнью в состоянии засвидетельствованного третьими лицами психического расстройства, душевной болезни, умоисступления, сопровождавшегося утратой реального представления о своих действиях, — все это в наши дни назвали бы состоянием аффекта.

Особое прощание

По сути, похороны генерала Гартунга стали оппозиционной демонстрацией — одним из последних звеньев в цепи «особых прощаний русского общества с лучшими своими людьми», начало которым положили петербургские похороны Суворова²³. Это был реквием по бывшему величию дворянского сословия, на глазах у всех превращавшегося в уходящую натуру. Так дворянская Москва выразила не только свое сочувствие генералу Гартунгу, жившему по правилам поведения благородного сословия, к которому он принадлежал, но и свой протест против новой реальности с ее, как им всем казалось, бездуховностью торжествующего «царства Ваала» и строгих юридических норм. Дворянская Москва, во главе с губернатором шедшая за гробом генерала Гартунга, оплакивала свои утраченные иллюзии. О своих эмоциях участники похоронной процессии могли бы сказать словами Лидии Васильковой, урожденной Чебоксаровой, героини комедии Островского «Бешеные деньги»: «Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моем унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастья валится со своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет».

За погребальной колесницей шли реальные прототипы литературных героев, созданных фантазией драматурга, — Телятевы, Кучумовы, Васильковы... И почти все эти промотавшиеся и опутанные долгами дворяне не собирались отказываться от привычного образа жизни. «Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки будем иметь и почет, и кредит. Долго еще каждый купчик будет за счастье считать, что мы ужинаем и пьем шампанское на его счет». Дворянская Москва, на руках несшая гроб генерала до могилы, полагала, что, генерал пал жертвой юридической ошибки: если судить не по закону, а по совести или по душе, то Гартунга следовало оправдать. И никто не подумал о том, что самоубийство генерала оставило его вдову без средств к существованию. На долю Марии Александровны выпала незавидная участь: старость она встретила в бедности и одиночестве. Детей у нее не было, братьев и сестру она пережила...

Вновь предоставим слово Достоевскому.

«Одним словом, Гартунг умер в сознании совершенной своей личной невинности, но и ошибки... судебной ошибки, в строгом смысле, никакой не было. Был фатум, случилась трагедия: слепая сила почему-то выбрала одного Гартунга, чтоб наказать его за пороки, столь распространенные в его обществе. Таких, как он, может быть, 10 000, но погиб один Гартунг. Невинный и высоко честный этот человек, с своей трагической развязкой, конечно, мог возбудить наибольшую симпатию, из всех этих десяти тысяч, а суд над ним приобрести наибольшую огласку по России для предупреждения “порочных”; но вряд ли судьба, слепая богиня, на это именно рассчитывала, поражая его»²⁴.

Слова великого писателя не были услышаны. Сорок лет, отделявшие самоубийство генерала Гартунга от Октябрьской революции, а это время жизни двух поколений, никак не были использованы дворянским сословием для

того, чтобы, отказавшись от нерационального и расточительного образа жизни, во всеоружии встретить предстоящий вызов времени и предотвратить начало новой Русской смуты. «Грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет» до самого конца петербургского периода не снискал поклонения от благородного сословия Российской империи.

7 марта 1919 года дочь Пушкина, так и не дождавшись от Наркомпроса выхлопотанной пенсии, умерла от голода. Первая выплата пенсии и назначенное гражданке М. А. Гартунг единовременное денежное пособие в 2400 рублей — все это было потрачено на погребение старой дамы на кладбище Донского монастыря. (В тот год услуги могильщиков обходились недешево. В марте 1919-го в Первопрестольной стояли сильные морозы, столбик термометра опускался до -28 градусов по Цельсию, с топливом было плохо, а глубоко промерзшую землю отогревали кострами и долбили киркой и ломом, прежде чем начать копать могилу.) Долгое время могила была в запущенном состоянии.

Нынешнее надгробие сооружено усилиями коллектива Московской городской библиотеки имени А. С. Пушкина, основательницей и попечительницей которой была дочь поэта. Мир праху!

Примечания

¹ Пушкин. История Пугачева // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 19 т. Т. 9. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 80.

² Пушкин. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 19 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 383–384.

³ Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827–1869. М.: Российский Архив, 2006. С. 202, 203.

⁴ Пушкин. Капитанская дочка. С. 318–319.

⁵ Пушкин. Письма. Т. III. 1831–1833. Л.-М.: Academia, 1935. С. 109.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Там же. С. 617.

⁸ Военный историк Андрей Анатольевич Смирнов аргументированно обосновал эту гипотезу в личном письме ко мне. Мы заспорили, был граф Вронский лейб-гусаром или конногвардейцем. Прототипом графа Вронского традиционно называют ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка Николая Николаевича Раевского, внука героя войны 1812 года, участника Среднеазиатских походов и сербско-турецкой войны, погибшего в Сербии в 1876 году в чине полковника. С любезного разрешения А.А. Смирнова цитирую его послание: «Вся служба Вронского проходит в Петербурге (ну, и, разумеется, в летнем лагере под Красным Селом). Лейб-гусары же квартировали в Царском Селе. Кроме того, лейб-гусары упоминаются Толстым дважды в таком контексте, что становится понятно: это не однополчане Вронского. Наконец, Вронский носит сортук, а лейб-гусары вместо него носили темно-синюю венгерку. В Петербурге же квартировали (не считая казачьих, о которых речи никак не может быть) только два кавалерийских полка — Кавалергардский и лейб-гвардии Конный.

Но кавалергарды в описании скачек опять-таки упомянуты в контексте, из которого видно, что Вронский не из этого полка.

Значит, конногвардеец.

Тем более что квартира у него на Морской — а это недалеко от казарм Конной гвардии. Собственно, они и выходят одной стороной на Большую Морскую — в том месте, где она сливается с набережной Мойки, перед Поцелуевым мостом.

С принадлежностью Вронского к Конной гвардии согласуется и то, что его полковой товарищ Петрицкий пытается обсудить с ним новый образец каски и рассказывает об офицере, который на дворцовом балу набил эту каску фруктами, конфетами и проч. Скорее всего, это тоже их однополчанин: поскольку Петрицкий сообщает Вронскому новости, логично предположить, что прежде всего — новости полковые. Строевым головным убором лейб-гвардии Конного полка в те времена была именно металлическая каска.

Правда, лошадь, которую Вронский купил для Красносельских скачек (а такие лошади должны были быть строевыми) — караковой масти, а такая масть была в лейб-гвардии Кирасирском Его Величества полку (в лейб-гвардии Конном же — вороня). Но «желтые кирасиры» квартировали в Царском Селе, а главное, вопрос с мастью лошадей Толстой, видимо, намеренно запутывает. Ведь кавалергард у него скачет на серой лошади — хотя в Кавалергардском полку масть была гнедая.

Вообще, прямо назвать полк Вронского Толстой не мог по определению — скандал мог выйти, конногвардейцы могли на что-нибудь обидеться».

⁹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. С. 38.

¹⁰ Последний год жизни Пушкина. М.: Правда, 1988. С. 652, 653, 655, 657. 658, 659.

¹¹ Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 392.

¹² Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 1997. URL: // <https://coollib.com/b/296666/read>

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. Октябрь. Глава вторая. I. Самоубийство Гартунга и всегдашний вопрос наш: кто виноват? // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 313.

¹⁸ Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / Сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 1997. URL: // <https://coollib.com/b/296666/read>

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. М.: Радуга, 1985. С. 541 (перевод Б. Пастернака). Сравни: С. 201, 301, 426, 634.

²² Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: НЛО, 1999. С. 69.

²³ Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1986. С. 191.

²⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. Октябрь. Глава вторая. II. Русский джентльмен. Джентльмену нельзя не остаться до конца джентльменом // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 320.

Содержание

<i>Пролог</i>	
«Моя беззубая Пускина»	5
<i>Картина I</i>	
Обратная сторона золотой медали	27
<i>Картина II</i>	
Казанский университет: «на морды и мифы со вскинутыми кулаками!»	49
<i>Картина III</i>	
Ценные признания князя Оболенского	91
<i>Картина IV</i>	
Не тот Менделеев	107
<i>Картина V</i>	
Население для власти или власть для населения?	123
<i>Картина VI</i>	
Исповедь бюрократа	137
<i>Картина VII</i>	
«На пользу дорогого флота и России»	149
<i>Картина VIII</i>	
«Сами виноваты, что их смели»	167
<i>Картина IX</i>	
Барк «непотопляемый»	179
<i>Картина X</i>	
Русская смута глазами мажора	191
<i>Картина XI</i>	
«Красивость — аж дух выматывает!»	205

Содержание

<i>Картина XII</i>	
Герой сноски	217
<i>Картина XIII</i>	
Заложник века-волкодава	233
<i>Картина XIV</i>	
Догоревшие свечи	245
<i>Картина XV</i>	
Бесславный путь к бесцарствию	263
<i>Картина XVI</i>	
«Необходим какой-то патриотический подвиг, иначе мы погибнем!...»	279
<i>Эпилог</i>	
Красный террор	297

Экштут Семён Аркадьевич

ИМПЕРИИ ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНЬЯ

Театр марионеток

в 16 картинах с прологом и эпилогом

Научный редактор *Ю.А. Борисёнок*

Корректор *Е.Г. Закревская*

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 26.10.2018. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 16,4. Тираж 500 экз. Заказ № 1522

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86